

От автора

Пожалуйста, не ищите в этой книге аналогий или аллюзий; если вы увидите в чем-то совпадения с реальностью, то знайте: это чистая случайность. На самом деле все устроено совсем не так.

И вообще, эта книга не о преступлении, а о людях.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Каменская

И где только Чистяков ухитрится с первой же попытки отыскивать таких мастеров? Те, кого находила Настя, почему-то либо выглядели немывыми и бездомными, либо оказывались мальчишками, слабо представляющими себе, с какого конца братья за инструмент. Первые попытки Анастасии Каменской всегда бывали неудачными, да и вторые, чаще всего, тоже. Чтобы добиться нормального выполнения работы, ей требовалось, как правило, не меньше трех попыток, поэтому решение любой ремонтной задачи растягивалось надолго. Настя уверена была, что приглашенный мужем мастер, согласившийся в воскресенье прийти монтировать шкаф-купе, покинет ее, оставив работу едва начатой, а панели — испорченными, однако явившаяся парочка плечистых усатых молодцев в отутюженной униформе с логотипом известной мебельной фабрики не оправдала унылых ожиданий. Чемоданчики с инструментами выглядели так, словно сработаны у Эрме или Луи Виттона, а сами инструменты своим стерильным блеском навевали мысли об операционной.

Показав фронт работ, Настя оставила сборщиков одних и ушла в кабинет Чистякова, который уехал

на дружескую встречу с каким-то коллегой из Великобритании. Пока строится вожделенный шкаф, можно почитать наконец книгу Кислова, а потом, когда монтаж будет закончен, вымыть полки и начать раскладывать вещи. Лешка вернется в квартиру, где будет царить относительный порядок и не придется больше спотыкаться о сумки и обходить раскрытые чемоданы.

Она честно начала читать с самого начала, потому что содержание первых двадцати страниц, прочитанных несколько дней назад, уже выветрилось из головы. Но впечатление получалось точно таким же: мрачно, безысходно, невыносимо скучно. И написано пресно. Но Настя набралась терпения, ибо понимала: такой опытный продюсер, как Николай Маратович Латыпов, не стал бы землю носом рыть, если бы в книге не было хорошей изюминки. Просто эта изюминка закопана где-то очень далеко от начала. Однако пока что никакими изюминками там и не пахло, зато на читателя изливались многословные и весьма путанные рассуждения о любви родителей к детям. Неужели Андрея Кислова этот вопрос так сильно интересовал? Впрочем, ничего удивительного, если вспомнить то, что рассказали вчера Миша Доценко и Гена после того, как поговорили с друзьями Кисловых-старших.

— Это просто уму непостижимо! — возмутился Геннадий. — Кисловы всем своим друзьям заполоскали мозги рассказами о том, какая чудесная у них доченька. Юленька то, Юленька это, и невесть где она училась, и невесть какие дипломы получала, и невесть какую работу по невесть какому гранту выполняет... Короче, полный суп-набор родителей, страдающих вытесняющей слепотой.

— При этом они, судя по всему, не врал, — добавил Доценко. — Я бы еще понял, если бы они, зная, что дочь — замшелая наркоманка, втюхивали своим знакомым, что у нее все в порядке. Некоторые в таких ситуациях отмалчиваются, другие рассказывают направо и налево о невероятных успехах и достижениях своих чад. Не каждый родитель готов публично признать такую беду. Но Кисловы, похоже, искренне верили в этот бред! Юлия врала им на каждом шагу, чтобы выцыганить деньги, а они ни разу не засомневались, верили каждому ее слову, оплачивали несуществующие институты и курсы, давали деньги на аренду жилья, потому что Юленька, понимаете ли, работает по американскому гранту, у нее очень много книг и бумаг, ей нужно место для коллективной работы, к ней постоянно приходят коллеги и помощники... Даже слова выучили: брейн-сторминг, тимбилдинг и еще всякие другие, обосновывающие необходимость отдельного просторного жилья для ненаглядной доченьки. Там концы с концами не то что не сходятся, они вообще в разные стороны уходят, а Кисловы ничего не замечали. И что самое удивительное — они ведь, Настюха, нам с тобой ровесники примерно, то есть должны, по идее, нормально соображать и адекватно ориентироваться в реальности, а они — как слепые доверчивые мышата в руках у хитрой злобной кошки. Не понимаю, как так можно жить!

— Самый юмор в том, что Юленька у них святая, а сын Андрей такой типа неудачник, работает от случая к случаю, сочиняет какие-то дешевые поделки. Зато Юленька — блестящий ученый и будущий нобелевский лауреат, — сердился Геннадий. — А то, что Юленька у брата постоянно денежки подсасы-

вала и в конце концов его прикончила, так этого просто не может быть.

— Так сказали друзья родителей? — уточнила Настя. — Или сами родители?

— Насчет Кисловых — не скажу, не знаю, — признался Гена. — Мне кажется, им версию о причастности Юлии пока не озвучивали. Но их друзья, опираясь на многолетние рассказы Кисловых, даже мысли не допускают, что Юля может быть как-то замешана. Неправильные поступки способен, по мнению родителей, совершать только Андрей. Кстати, и насчет ключей они тоже с друзьями трындели, мол, дети так дружны с самого детства, прямо неразлейвода, у Юленьки и ключи всегда были от Андрюшиной квартиры, а когда он вдруг ни с того ни с сего поменял замки — Юля пожаловалась родителям, что у брата, дескать, появились тайны от любимой сестрички, и она теперь обижена. Так мамаше пришлось целый скандал сыну закатить, чтобы он выдал Юленьке новые ключи, а то девочка расстраивается, что братик от нее отдаляется.

Вот теперь более или менее понятно. Кислов не был в восторге от пагубного пристрастия сестры и попытался оградить себя и свое жилье, но не тут-то было. Ключи пришлось дать, чтобы не ссориться с родителями, и жить в постоянном напряжении. А Юлия, судя по всему, сильно злоупотребляла мягкотелостью и добротой старшего брата.

— И еще, — задумчиво проговорил Михаил, — там, похоже, мамаша рулит мышлением в семье. Она не курица доверчивая, а властная и уверенная в том, что мир может быть только таким, каким она его видит, и все, что этому противоречит, безжалостно отсекается. Мадам Кислова твердой рукой направ-

ляет обожающего ее мужа и внушает, что он должен думать и как относиться к жизни, а он просто тупо и покорно повторяет следом за ней. Может, я не прав, конечно, но из рассказов тех людей, с которыми мы сегодня поговорили, вытекает именно такая разблюдовка.

— Ясно, — вздохнула Настя.

Выходит, Юлия Вячеславовна имеет все основания быть уверенной, что сможет легко повлиять на родителей в деле об уступке прав. Коль уж они столько лет с удовольствием и готовностью верили ее лжи, из которой лохматые концы торчали во все стороны, значит, Юленька для них — свет в окошке и радость ненаглядная, в отличие от сына, связанного с сомнительным искусством. Как Юленька скажет — так и будет.

При таком раскладе ничего удивительного, что Андрей Кислов частенько задумывался о неравномерности распределения родительской любви между детьми. Его это мучило? Терзало? Не давало спать по ночам? Как-то не очень похоже... «Веселый, легкий, позитивный», — снова вспомнилась характеристика, данная Эмилией Марковной.

Ничего веселого, легкого и позитивного Настя Каменская в тексте книги пока не углядела. Получались два варианта: либо в период написания повести в семье Кисловых произошло нечто такое, что всерьез и надолго испортило Андрею настроение, либо книгу написал вообще не он. Обе версии придется проверять полноценно, ибо обе напрямую касаются задачи, поставленной заказчиком Латыповым. При первом варианте между Кисловыми не так все гладко, как пытается представить Юлия, и сестра убитого на самом деле никак не может гарантиро-

вать решений, которые будут приняты наследниками первой очереди. А уж если докажут причастность сестры к убийству брата, то с ее влиянием на обожающую мамочку и послушного папочку можно будет распротиться. При втором же варианте истинный автор повести может объявиться в любой момент, и Латыпов со своей продюсерской компанией поймет осложненный гемморой со скандалами, судебными исками и огромными штрафными санкциями.

Настя выползла из кабинета, дружелюбно поинтересовалась, долго ли еще мастерам работать, предложила им по чашке кофе или чаю с печеньем. Мастера — два бойца из ларца, одинаковых с лица — приняли предложение со сдержанной благодарностью и заверили, что закончат самое большее через час. Пока наливался кофе для нее самой и заваривался чай для мастеров, Настя прикидывала, с какого конца эффективнее всего взяться за дело. Решение вопроса об авторстве — самое простое, нужно только раздобыть несколько сценариев, написанных Кисловым, и сравнить с повестью. Настроение настроением, а уникальный авторский стиль, манеру использования тех или иных устойчивых конструкций, частоту встречаемости уникальных слов и множество других характеристик подделать крайне трудно. Если попросить Зою скачать откуда-нибудь специальную программу, которую используют филологи, то вопрос об авторстве можно будет закрыть в две секунды. Вот только где взять тексты сценариев? Соваться в агентства, с которыми сотрудничал Кислов, Насте нельзя: с ними наверняка уже контактируют опера, собирают информацию об убитом, и о вмешательстве частного детектива им тут же станет известно со всеми вытекающими последствиями. Стало быть, придется

просить Зою, которая при помощи своих волшебных «прожек», умеющих осуществлять контекстный поиск в соцсетях, быстренько найдет тех, у кого на руках может остаться сценарий проведения праздничного мероприятия и кто при этом не попадет в поле зрения полиции в ходе расследования убийства Андрея.

А как разобраться с семейной ситуацией? Нельзя приближаться к друзьям и родственникам, ибо последствия наступят точно такие же, как и при попытке контакта с агентствами, с которыми сотрудничал Кислов в тот период, когда у него, судя по тексту повести, испортилось настроение. И, кстати, когда это было? В типографию Кислов обратился в 2013 году, но когда именно он писал текст? В 2012-м? В том же 2013-м? Или вообще намного раньше?

— Не буду вам мешать, — сказала Настя, усадив мастеров на кухне и поставив перед ними чай и вазочку с печеньем, — когда понадобится — подайте сигнал.

Закрывая за собой дверь Лешкиного кабинета, она подумала, что девять из десяти человек сочли бы ее сумасшедшей: оставить двоих незнакомых мужчин без присмотра в собственной квартире! А вдруг что-нибудь украдут? Тоже мне, хозяйка называется! Но что у нее красть? Шмотье из чемоданов? Просто смешно! А больше ничего ценного у них и нет, только Лешкин компьютер и ее ноутбук, которые в данный момент находятся в кабинете, перед ее глазами.

Итак, с чего начнем? Ясное дело — с личных страничек Андрея Кислова, с его постов о пребывании в больнице. Нет, странички подождут, возможно, больничный период вообще ни с какого боку. Сначала текст книги. Настя пожалела, что не додумалась до такой простой вещи сразу, когда еще только на-

чала читать. Ну не тратить же время на перечитывание! Взяла блокнот и по ходу изучения остатка текста начала делать пометки. Упоминания о моделях автомобилей и телефонов, названия гаджетов, курс доллара и евро, цены, музыка, одежда, сленг — как много, оказывается, существует меток и признаков, по которым можно довольно точно определить, когда именно создавалось произведение! В книге Кислова время действия не обозначено, но судя по упоминаемым деталям — где-то между нулевыми и десятым-двенадцатым годами. Анахронизмов полно, но это простительно. Учтем, что все до единого ошибки подобного рода касались периода до 2011 года. Концовка книги в этом смысле написана идеально: ни одного анахронизма, ни единой ошибки, все политические и экономические события того периода указаны и описаны достоверно, все технологические новинки появлялись в жизни персонажей вовремя, в соответствии с реалиями. Значит, все еще было свежо в памяти. Стало быть, можно с уверенностью утверждать, что Кислов (или кто там на самом деле был автором?) создавал свой текст именно в 2012-м, самое позднее — в начале 2013 года. В том же 2013-м и попытался пристроить рукопись в издательство, а возможно, и не пытался даже, а сразу решил печататься за собственный счет.

Выходит, все-таки больница... Это хорошо. Это хоть какая-то опора, точка отсчета, от которой можно двигаться в направлении поиска людей, могущих рассказать о Кислове, и при этом не попасть в поле зрения тех, кто занимается раскрытием и расследованием его убийства.

— Мы закончили, — послышался из-за прикрытой двери мужской голос.

Приняв работу и расплатившись, Настя проводила мастеров и задумчиво оглядела фронт предстоящих работ. Убрать оставшийся после монтажа мусор, пропылесосить и вымыть пол, потом отмыть полки и дверцы, потом разложить вещи... Нет, сначала позвонить Зое и выяснить, сможет ли она завтра помочь с информацией...

Минут через двадцать Анастасия Каменская обнаружила себя в машине, летящей по свободным воскресным улицам. И еще она обнаружила давно знакомое, привычное чувство вины за то, что снова предпочла работу, а не хозяйственно-бытовые хлопоты. Миллионы женщин отдали бы все на свете за счастье обстоятельно и с наслаждением вить собственное гнездо, а она... Моральный урод какой-то, честное слово. Но, с другой стороны, они с Лешкой столько месяцев жили среди раскрытых чемоданов и сумок, что еще один день потерпят. Ну, может, не один, а два-три... Что такое два-три дня в сравнении с вечностью!

Зато можно похвалить себя за то, что пока еще не утрачен навык принятия быстрых решений. Вспоминая последние двадцать минут, Настя не могла сдерживать насмешливой улыбки в свой адрес: горбатого даже могила не исправит.

...В реальной жизни все обычно происходит совсем не так, как представляется изначально. Это Настя Каменская знала точно. Когда она звонила Зое Печерниковой из дома, то представляла себе рослую зеленоглазую красавицу стоящей где-нибудь на кухне перед плитой, на которой варится или греется детское питание, а рядом на столе лежит ворох выстиранных детских вещичек и белья, приготовлен уют, кругом разбросаны соски и погремушки, из